О
ИНДІЙЦАХЪ,

ВОДВОРИВШИХСЯ

ВЪ

АСТРАХАНИ,

5-е ОТДѢЛЕНІЕ,

СОЧИНЕНІЕ ПУТЕШЕСТВОВАВШАГО ПО РОССИИ СЪ 1824 ПО 1835 ГОДЪ,

А. Павлова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

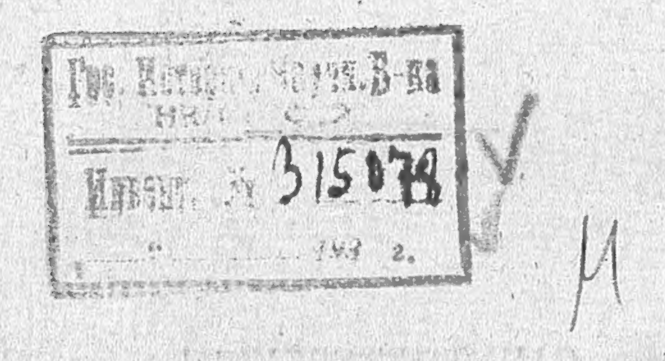
Въ типографіи Х. Гинце.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ С. Петербургъ 27 Марта 1842 года.

Ценсоръ *С Куторга.*

Не смотря на сильные жары, возвышающіеся въ Астрахани до 35-ти градусовъ, въ которые каждый человѣкъ старается найти убѣжище въ прохладномъ мѣстѣ, я по природной своей страсти къ любопытству желалъ каждый день, каждый часъ и даже каждую минуту видѣть какія нибудь новости, разсматривать ихъ, вникать въ существо, цѣль и постепенно обогащать себя необходимо-нужными познаніями. Гдѣ же скорѣе можно видѣть эти новости, какъ не въ Астрахани? Отошедши отъ Персидскаго двора на нѣсколько саженъ, на лѣвой рукѣ въ прямолинейномъ направленіи представится вамъ индійскій дворъ. Это каменное трехъ этажное зданіе имѣетъ въ длину по большой улицѣ не болѣе 30-ти саженъ, а заворотясь налѣво въ переулокъ занимаетъ до 50-ти. Весь нижній этажъ состоитъ изъ подваловъ, изъ коихъ меньшую часть индійцы отдаютъ въ наемъ садовникамъ, торгующимъ сушеными фруктами и свѣжими плодами, а большую различнымъ азіятцамъ для складки товаровъ. Въ верхнемъ этажѣ живутъ хивинцы и бухарцы, пріѣзжающіе въ городъ на короткое время для торговыхъ сдѣлокъ, а средній занимаютъ сами индійцы.

Судя по наружности дома, выстроеннаго по европейской архитектурѣ, думаешъ и внутри ви-

дѣть комнаты меблированныя; но напротивъ, какъ скоро отворишь дверь, сдѣланную на подобіе лавошной и перейдешъ нѣсколько ступеней по маленькой лѣстницѣ, вдругъ представится довольно обширная зала, безъ всякаго украшенія. Она вымощена нарами, на которыхъ постланы лучшіе персидскіе ковры, по обѣимъ сторонамъ лежитъ у индійца имущество его: постели, сундучки, завернутыя въ тюкахъ шелковыя вещи, а на прибытыхъ къ стѣнамъ полочкахъ развѣшена одежда, занавѣшенная бумажными покрывалами. Въ углу этихъ наръ утверждены трехъ-уголныя дощечки, на нихъ стоятъ: чистая мѣдная посуда, фарфоровыя чашки, а у нѣкоторыхъ и серебряные сервизы. У стѣны, напротивъ дверей находящейся, поставлена деревянная арка, покрытая тонкою кисеею, сквозь которую нельзя примѣтить, что на ней ставятъ индійцы и для чего она устроена? Сколько я не упрашивалъ дворника, показывавшаго внутренность ихъ комнатъ, разсказать о употребленіи ея, но онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ, что когда хозяева его раскрываютъ эту арку, въ то время запираютъ двери и не впускаютъ въ комнату ни одного человѣка.

Я оставилъ изслѣдованіе этого предмета до другаго времени и въ тотъ же день узналъ, что общество индійцевъ состоитъ изъ 60-ти душъ,

построившихъ на свое иждивеніе этотъ домъ. Получаемыми съ него доходами завѣдываетъ избранный ими старшина, который съ согласія общественнаго, ежегодную сумму отдаетъ въ проценты разнаго сословія людямъ, подъ вѣрные залоги. Посредствомъ этихъ оборотовъ употребленный ими на постройку дома двухъ-сотъ тысячный капиталъ возвращенъ въ продолженіе 15-ти лѣтъ, по истеченіи коихъ всѣ доходы дѣлятъ они сообразно положенной каждымъ индійцемъ суммѣ. Каждый капиталистъ малую часть процентовъ издерживаетъ для своего продовольствія, а большую отдаетъ на распоряженіе старшинѣ въ приращеніе. Эта коммерческая система въ сорокъ лѣтъ увеличила капиталы до такой степени, что никто изъ нихъ не имѣетъ надобности озабочивать себя трудами и почитаетъ за счастіе вмѣсто дѣятельной жизни наслаждаться безпечностію.

Истину эту подтверждаетъ образъ домашней ихъ жизни. Индійцы, пробудившись отъ сна въ 9-мъ, а иногда въ 10-мъ часу утра, въ спокойномъ расположеніи духа примутся омывать холодною водою всѣ части своего тѣла около часа, потомъ одѣвшись въ чистое и опрятное платье, съ поджатыми ногами разсядутся на нарахъ и начнутъ окуривать свои комнаты душистыми благовоніями. Когда пріятный запахъ

освѣжитъ ихъ чувства, они ставятъ предъ собою сдѣланную изъ дерева четырехъ-угольную раму, съ прибитыми къ ней колокольчиками, за язычки которыхъ привязаны длиною въ аршинъ шелковыя шнурки, а посреди рамы укрѣплена висячая маленькая корзинка, въ видѣ качель, въ которую каждой изъ нихъ посадитъ почитаемаго имъ за божество болванчика, представляющаго коровку, бычка, или какую нибудь птичку, вылитыхъ изъ золота или серебра. Идолопоклонникъ, взявъ въ правую руку шнурки, начинаетъ звонить въ колокольчики и качаетъ своего божка около двухъ часовъ, въ продолженіе коихъ, въ честь ему поетъ священные гимны, опрыскиваетъ его духами, пудритъ краснымъ порошкомъ и ставитъ предъ нимъ на маленькихъ тарелочкахъ разнаго рода сушеные фрукты. Напослѣдокъ, снявъ его съ корзинки, обернетъ въ кисею и поставитъ въ особый ящичекъ, прибитый къ стѣнѣ, къ которой въ ту же минуту придвинетъ и раму, а на то мѣсто, гдѣ она стояла, поставитъ съ кушаньемъ деревянный кружокъ и выполоскавъ водою ротъ принимается за холодный завтракъ, изготовленный еще свечера.

Пресытившись яствами, приготовленными изъ сорочинскаго пшена съ изюмомъ или какой нибудь зелени, иной индіецъ изъ опасенія, чтобы

не проглотить муху, надѣнетъ на ротъ сдѣланную изъ легкой ткани повязку, другой носитъ съ собою вѣничекъ и смѣтаетъ имъ то мѣсто, на которое онъ расположенъ сѣсть, третій безпрестанно смотритъ въ землю, чтобы не раздавить какое нибудь насѣкомое. При соблюденіи этихъ религіозныхъ правилъ, они, взявъ въ руки чотки, выходятъ по обыкновенію за ворота и на скамьѣ возлѣ подваловъ посматриваютъ на проходящихъ. Безпрерывно перебирая пальцами косточки, хладнокровный ихъ и сурьезный видъ съ перваго раза приводитъ невольнымъ образомъ въ удивленіе, въ особенности, когда станешъ всматриваться въ нихъ и не примѣчаешъ на лицѣ никакой перемѣны. Проѣзжаетъ ли по улицѣ карета, проходитъ ли по ней съ музыкою баталіонъ, или какая нибудь процессія, ихъ ничто не занимаетъ, не веселитъ и не изумляетъ. Они смотрятъ на всѣ предметы, какъ отуманенными глазами и такъ къ нимъ равнодушны, какъ будто они не существуютъ для нихъ. Какъ скоро почувствуютъ голодъ, встанутъ съ скамѣекъ и медленными шагами возвращаются на тѣ же мѣста, гдѣ совершали свои утреннія молитвы. Обѣдъ займетъ ихъ около часа, послѣ котораго на мягкихъ постеляхъ расположутся они отдыхать до 5-го часа по полудни; вставъ выпьютъ нѣсколько чашекъ ко-

фе, покурятъ табаку изъ кальяна, выйдутъ опять на улицу и просиживаютъ на тѣхъ же скамейкахъ до самаго вечера; въ лѣтнее время ужинаютъ въ 10-мъ часу, а въ зимнее въ 9-мъ; не занимаются никакою игрою, никакими удовольствіями и все остальное время посвящаютъ одному сну.

Но хладнакровіе ихъ переходитъ въ чувство сожалѣнія, при видѣ на животное, томящееся голодомъ. Въ то время индіецъ, вскочивъ съ своего мѣста, подбѣгаетъ къ нему, смотритъ на на него съ страдяніемъ, и если нѣтъ у него въ карманѣ запаснаго хлѣба, бѣжитъ за нимъ въ комнату и старается накормить его досыта. Замѣтивъ рану на избитой собакѣ или кошкѣ, чрезмѣрную худощавость или какую нибудь болѣзнь, онъ непремѣнно приласкаетъ ее къ себѣ, возьметъ на руки и отнесетъ въ особую комнату. Онъ часа по два, заботится подкрѣплять слабость животнаго лучшею пищею, постилать подъ него мягкія полости и пользовать дорогими лекарствами. Многіе изъ нихъ носятъ съ собою въ узелкѣ сахаръ, конфекты, бѣлый хлѣбъ и почитаютъ за удовольствіе крошками ихъ, кормить галокъ, воробьевъ и воронъ. Часто случается, что мальчишки, узнавъ ихъ состраданіе къ пернатымъ, съ намѣреніемъ поймаютъ какую нибудь птичку, и ставъ напротивъ

индійца начнутъ выдергивать у нея перья или дразнить, въ то время идолопоклонникъ съ прискорбіемъ подбѣжитъ къ нимъ, и не зная русскаго языка, минами и движеніемъ рукъ упрашиваетъ ихъ пощадить невинное твореніе; рѣшается заплатить за птицу червонецъ, только бы не беспокоили ее и передали поскорѣе въ его руки. Подъ его только покровительствомъ, обреченная на поруганіе птичка, возобновляетъ жизнь.

Но это благородное чувство исчезаетъ у Индійца при видѣ страждущаго человѣка; когда подходитъ къ нему нищій, калека или дряхлый человѣкъ и проситъ подаянія, онъ вставъ съ своего мѣста уйдетъ къ знакомому въ лавку или равнодушно смотритъ на него, молчитъ и не измѣняется въ лицѣ, какъ будто всѣ эти несчастные стоятъ не передъ живымъ существомъ, но предъ истуканомъ.

Каждой индіецъ, по расчетливости своей, не имѣетъ излишнихъ вещей. Онъ до наступленія новаго года распредѣлитъ, сколько долженъ имѣть бѣлья, сколько употребить на пищу и на все содержаніе; если случится, что потеряетъ какую нибудь вещь, то въ замѣнъ ея для покупки новой не пьетъ кофе или не ѣстъ кушанья въ той мѣрѣ, какую онъ ежедневно употребляетъ.

Въ лѣтнее время, по обыкновенію своему хо-

дятъ купаться въ рѣку и стараются всегда выбирать уединенное мѣсто, чтобѣ не имѣть сообщенія съ христіанами; носятъ съ собою своихъ истуканьчикоеъ, которыхъ, поставивъ на особенную доску, сдѣланную на подобіе маленькаго плотика, и напустивъ въ воду нѣсколько сандалу съ душистыми благовоніями, опрыскиваютъ ихъ ею; потомъ, взявъ въ руки веревку, прибитую къ краю доски, водятъ ее по водѣ, стараясь оказать этимъ почести божествамъ своимъ. Этотъ обрядъ совершаютъ идолопоклонники въ продолженіи 3-хъ часовъ, и если замѣтятъ, что иновѣрцы, изъ любопытства, подсматриваютъ за ними, въ ту же минуту поспѣшно одѣнутся, завернутъ болванчиковъ въ кисею и возвратятся въ домъ.

Во время праздника ихъ, называемаго Долвятра, который отправляютъ они въ октябрѣ мѣсяцѣ, допускаютъ къ себѣ всѣхъ посѣтителей, но заблаговременно упрашиваютъ начальство, чтобы никто изъ приходящихъ къ нимъ не смѣялся надъ ихъ обрядами и сохранялъ благопристойность. Въ это время индійцы, одѣвшись въ богатыя платья, проводятъ на лбу и на щекахъ красною или желтою краскою знаки, постлавъ на нары лучшіе персидскіе ковры, посреди ихъ ставятъ рамы и въ присутствіи браминовъ (Первосвященниковъ) качаютъ на нихъ своихъ

божковъ, прыская имъ въ глаза душистую воду и пудря ихъ краснымъ порошкомъ; а съ разставленныхъ вокругъ рамы тарелочекъ съ различными плодами подчуютъ посѣтителей. Но и при отправленіи этого торжестяа непримѣтно на лицѣ ихъ никакой веселости, кромѣ того, что равнодушіе ихъ переходитъ въ какую-то важность, исполненную благоговѣнія и въ созерцаніе таинствъ.

Подъ именемъ Высшаго существа, Всемогущаго, безконечнаго и сотворившаго все, что только существуетъ, разумѣютъ индійцы *Парубраму*, а сопутствуемыхъ ему, нисшихъ по своему совершенству, боговъ называютъ: Брама (*) Вишну (**) и Шива (***); не смотря на это раздѣленіе. они составляютъ одно цѣлое, но различны только по принадлежностямъ божества и означаютъ: созданіе, храненіе и разрушеніе Ему же приписываютъ сотвореніе Майсассура и небесныхъ духовъ, получившихъ отъ него

(*) Браму признаютъ ва творческій духъ, который при рожденіи каждаго человѣка печатлѣетъ на его мозгѣ все, что должно случится съ новорожденнымъ.

(**) Вишну почитаютъ за божество, предохраняющее отъ всѣхъ разрушеній.

(***) Шиву признаютъ за божество, которое разрушаетъ все для преобразованія.

повелѣніе обожать самихъ себя. Когда же Майсассуръ съ частію этихъ духовъ возмутился, то для наказанія и очищенія ихъ, по желанію трехъ нисшихъ божествъ, Парабрама сотворилъ видимый миръ, состоящій изъ 15-ти шаровъ очищенія, между коихъ земля наша занимаетъ средину. Семь низшихъ назначилъ онъ къ наказанію, а семь верхнихъ къ очищенію грѣховъ. Для помѣщенія возмутившихся и упадшихъ съ высоты духовъ, Вѣчный создалъ 89 формъ смертныхъ тѣлъ, изъ коихъ самые благороднѣйшіе: корова и человѣкъ. Когда подъ сею послѣднею формою духъ заслужитъ благость Вѣчнаго, онъ пролетитъ разомъ чрезъ 15-ть шаровъ и возвратится въ небо; если же онъ, въ видѣ человѣка, увеличитъ первоначальную вину грѣхами, то погрузится въ бездны Ондерага или крайняго шара и тамъ начнетъ очищаться.

Чтобы добрые духи (Деви или Деутти) вспомоществовали грѣшнымъ на добро и предохраняли ихъ отъ внушеній Деитти (злыхъ духовъ), Парабрама позволилъ имъ сходиться и жить съ ними въ жилищѣ ихъ наказаній. По мнѣнію индійцевъ, этихъ добрыхъ и злыхъ духовъ видятъ они въ звѣздахъ, воздухѣ, морѣ, лѣсахъ и рѣкахъ. Увѣрены притомъ, что Деутти находятся въ безпрерывной враждѣ съ Деитти.

Они вѣрятъ всеобщему перехожденію и утверждаютъ, что нѣкоторыя частицы духа и вещества находятся въ постоянномъ движеніи перехода; что наказаніе злыхъ духовъ есть нисподеніе ихъ въ вещественную оболочку и потому изъ тѣла человѣческаго нисходятъ они въ тѣла животныхъ и даже опасаются, чтобы не перешли въ каменья. Отвергаютъ безконечное наказаніе и говорятъ, какъ бы ни велико было преступленіе, оно всегда очищается казнію. Награду ожидаютъ не въ настоящемъ мірѣ, но въ мірѣ переходовъ. Даже ничтожнаго состоянія человѣкъ, проведшій благочестивую жизнь, будетъ награжденъ переходомъ въ бытіе богатое, со всѣми наслажденіями роскоши и благоденствія.

Каждаго христіанина и музульманина почитаютъ за парія (*), потому что они употребляютъ мясо. При слабыхъ и тяжкихъ болѣзняхъ не имѣютъ они обыкновенія пользоваться лекарствами и отвергаютъ при такихъ случаяхъ всѣ пособія нашихъ медиковъ. Имущество, оставшееся послѣ смерти индійца и весь его капиталъ поступаетъ въ общественный доходъ. Тѣло умершаго, по ихъ обыкновенію, обмываютъ

(*) Слово парій означаетъ отчужденнаго индійца отъ касты за несоблюденіе религіозныхъ правилъ.

сперва холодною водою, а потомъ вытираютъ душистыми благовоніями, одѣваютъ въ чистое платье и положивъ на носилки несутъ за городъ на бугоръ, на которомъ заранѣе приготовятъ полсажени березовыхъ дровъ, разложенныхъ въ кружокъ, съ оставленнымъ для входа и выхода отверстіемъ; въ срединѣ этихъ дровъ накладутъ они нѣсколько полѣньевъ, на которые положутъ покойника, обольютъ его масломъ и разведутъ подъ нимъ огонь; трупъ, преданный въ жертву пламени горитъ, въ продолженіе часа; оставшійся отъ него пепелъ и нѣсколько обгорѣлыхъ мелкихъ костей тщательно сгребаютъ они лопаткою въ вырытую ямку, и засыпавъ ее землею, возвращаются въ домъ безъ малѣйшаго прискорбія.

Многіе изъ нихъ, оставивъ въ отчизнѣ своей женъ и дѣтей; до конца жизни лишены средствъ наслаждаться семейственнымъ счастіемъ, и можетъ быть, измѣняя религіи своей предаются сладострастію. Но не входя въ изслѣдованіе предосудительныхъ поступковъ, надобно сказать, что характеръ ихъ спокойный, чуждый распри, тяжбъ и излишняго люботства. При водвореніи ихъ дарованы имъ права: записываться въ гильдіи, производить внутри и внѣ Россіи торговлю; заводить фабрики и заводы; они освобождены отъ подушнаго оклада, рекрутс-

кихъ повинностей, но обязаны только выполнять городскія.

Покрой одежды ихъ отличенъ отъ другихъ азіятцевъ. Они носятъ узкія куртки безъ рукавовъ и съ пуговицами. На эту куртку надѣваютъ баджу, родъ шлафрока изъ бумажной синей или бѣлой персидской ткани; сверхъ того набрасываютъ еще кайанъ саронгъ, большую штуку цвѣтной матеріи длинною въ 8 футовъ, а шириною въ 4, которая образуетъ собою родъ мѣшка, безъ дна. Иногда подымаютъ его и носятъ на плечахъ, иногда обвертываютъ и закручиваютъ на поясѣ и бедрахъ. Шаравары у нихъ коротенькіе по икры, изъ желтой или красной тафты; на ногахъ башмаки съ носками, а вокругъ головы цвѣтной платокъ, аавязанный узломъ, такъ что верхушка ея всегда открыта. Брамины ихъ никогда не стираютъ знаковъ со лба; голову и грудь имѣютъ открытую, волосы и бороду выбритые.

Окладъ лица ихъ широкообразой, оливковаго цвѣта, глаза большіе, тусклые, носъ тупой, лобъ низкій; росту они средняго, тѣлосложенія тучнаго; разговоръ ихъ спокойный, походка медленная, языкъ въ образѣ объясненія легкій и даже пріятный. Жаль, что законъ воспрещаетъ читать имъ священныя ихъ книги Веды и отнимаетъ у нихъ охоту отъ словесности; впро-

чемъ украдкою отъ браминовъ перечитываютъ они изрѣдка Упаведы, т. е. изъясненіе Ведъ, а иногда и пураны священныя поэмы, въ которыхъ поэзія щедро разсыпала цвѣты свои и заставила бы восхищаться ими образованныхъ европейцевъ.